

После того как Ци Цзин закончил иглоукалывание и напоил Чжуан Фэя лекарством, небо окончательно почернело, и повалил густой снег. Проводив лекаря, Чжуан Цинхун взглянул на Чжуан Фэя, который всё еще слегка горел в лихорадке. Он отослал слуг, закрыл дверь и едва заметно улыбнулся:

— Чжуан Фэй, раз уж ты сделал свой выбор, то что бы ни случилось дальше, даже если тебе придется отправиться со мной на смерть, у тебя больше нет пути к отступлению.

Чжуан Цинхун смотрел на ярко пылающие угли в жаровне, размышляя о том, что, возможно, заметил Чжуан Фэя уже давно... Иначе с чего бы ему испытывать такое раздражение? Если бы слуги просто вели себя неподобающе, он не стал бы так злиться. В прошлый раз, когда тот Сяоши действительно залез в постель к Ци Цзину, он лишь притворился разгневанным. Но когда он видел Чжуан Фэя рядом с Лю Синем, внутри поднималось недовольство, а сегодня гнев и вовсе вспыхнул мгновенно, смешавшись с горьким чувством предательства.

Он тяжело вздохнул. В их отчаянном положении, даже если они любят друг друга, что толку?

Князь Цзинь — человек не из простых, к тому же занимает высокое положение. Вероятно, даже если он прибрал к рукам его самого, а затем и Чжуан Фэя, он не видит в этом ничего дурного. У них нет сил сопротивляться.

Сколько еще можно притворяться и изворачиваться? Нужно быть осторожнее и попытаться удержать Князя Цзинь в узде.

— Чжуан Фэй, если я скажу, что влюбленность в меня — это вовсе не твой путь к счастью? В конечном счете, я перед тобой в долгу.

Чжуан Цинхун закрыл глаза, чувствуя внезапную усталость. Впрочем, довольно.

Когда Чжуан Фэй очнулся, он смутно разглядел у кровати чей-то силуэт. С усилием моргая, он узнал Чжуан Цинхуна и тут же с облегчением выдохнул, но, пытаясь выбраться из постели, с глухим стуком опустился на колени.

Чжуан Цинхун, который до этого лишь притворялся спящим, тут же открыл глаза. Глядя на то, как Чжуан Фэй через силу пытается вымолить прощение, он почувствовал тяжесть на сердце, но принял холодный, сердитый вид:

— Чжуан Фэй, ты осознаешь свою вину?

Чжуан Фэй открыл рот, но не смог произнести ни слова. Сказать, что он невиновен? Но Чжуан Цинхун видел всё своими глазами... Поймать вора — значит предъявить краденое, застать любовников — значит увидеть их вместе. Мог ли он сказать, что Ци Цзин принудил его? Как тогда быть с достоинством господина? Гнев Чжуан Цинхуна был неизбежен. Чжуан Фэй закрыл

рот и безмолвно склонил голову до самого пола.

Будь проклят этот Ци Цзин!

Если бы не он, разве оказался бы он в такой безвыходной ситуации? Ци Цзин! Еще даже не полюбив господина, он уже начал проявлять собственничество. Неудивительно, что в будущем, как бы ни менялось положение Чжуан Цинхуна, прислуживали ему лишь старые слуги с лицами, похожими на сморщенные пельмени.

Кулаки Чжуан Фэя крепко сжались, ногти вонзились в ладони, оставляя глубокие следы.

Нет, даже обида ничего не изменит. Важно то, что Чжуан Цинхун не приказал просто вышвырнуть его вон — значит, он знает правду, и подобные действия лишь самообман. Должен быть способ, обязательно должен быть способ остаться рядом с ним. Если он потеряет статус Сяоши, как еще он сможет выполнить задание?

Он ни в коем случае не может остановиться на этом!

— Чжуан Фэй виноват, я лишь прошу господина вспомнить о нашей прежней привязанности...

— Чжуан Фэй не смог договорить. Он верно служил Чжуан Цинхуну, но не был доморощенным слугой, с которым у господина была глубокая связь. Он прислуживал ему всего два-три месяца, о какой привязанности могла идти речь?

— Господин, — Чжуан Фэй снова начал бить поклоны, с каждым разом с силой ударяясь лбом о пол, пока тот не посинел, — господин, Князь Цзинь ослепительно прекрасен, я лишь на мгновение лишился рассудка. Я больше никогда не посмею! Прошу, позвольте мне остаться, я готов понести любое наказание, лишь позвольте мне остаться...

Что еще оставалось, кроме как выгораживать Ци Цина? Скажи он что-то не то, и Ци Цин раздавит его одним пальцем.

Ради меня ты готов стерпеть любые унижения? Слушая оправдания Чжуан Фэя в адрес Ци Цина, Чжуан Цинхун снова вздохнул про себя: Чжуан Фэй, ты и правда очень умен. Настоящая любовь — это запрет, о котором нельзя говорить вслух, и ради всего этого приходится заявлять, что тебя околдовал Ци Цин...

А ему самому приходится подыгрывать Чжуан Фэю, разыгрывая этот спектакль для всех, кто желает или не желает его видеть. И всё это — лишь из-за чьей-то излишней подозрительности.

В этот момент Чжуан Цинхун почувствовал к Ци Цину особенно сильную неприязнь. Вся история со смертью канцлера Чжуана была лишь поводом для этого князя урвать свой кусок пирога. Верно говорят: самые чувствительные люди — это те, кто носит личину праведности.

Он ищет доказательства, но знает, кого можно трогать, а к кому лучше не прикасаться. Он не пытается добиться справедливости для канцлера, он лишь хочет выбраться из этого бессильного состояния, выйти из тени на свет.

Он просто хочет жить так, чтобы не зависеть от чужого мнения, чтобы его не принуждали на каждом шагу, чтобы его жизнь не находилась в руках ничтожеств. Но Ци Цзин оказался настолько подозрителен, что боится, как бы он не запятнал его репутацию.

Вот они, аристократы и знать — безнадежно лицемерные люди.

На лбу Чжуан Фэя проступила кровь, и на лице Чжуан Цинхуна наконец отразилось смягчение. Он уже хотел было заговорить, как у дверей послышался кашель. Раздался слегка неловкий голос Ци Цзина, который принялся извиняться перед Чжуан Цинхуном:

— Цинхун, в этом деле есть и моя вина...

Это было косвенным признанием слов Чжуан Фэя — мол, всё произошло в порыве страсти, чистая случайность.

Чжуан Цинхун погрузился в раздумья. Ци Цзин, глядя на всё еще бьющего поклоны Чжуан Фэя, притворно рассердился:

— Ты, нерадивый слуга! Совсем не понимаешь ситуации. Цинхун еще не оправился, ему нельзя видеть кровь, а ты разбил себе лоб. Хочешь, чтобы все подумали, что Цинхун жесток и мучает даже собственного Сяоши?

— Ваше Высочество... изволит говорить правду, — Чжуан Фэй перестал биться лбом, прижавшись лицом к полу. Его плечи мелко дрожали, голос звучал сдавленно. — Раб принял наставление.

Этот надломленный голос, казалось, резал сердце тупым ножом. Никому из троих присутствующих не было легко, каждому хотелось поднять Чжуан Фэя, обнять и утешить, но никто не мог этого сделать.

Выслушав слова Ци Цзина, Чжуан Цинхун медленно поднял голову и негромко произнес:

— Раз так, то... ступай в Цзяофан, будешь прислуживать там. У тамошней матушки с тобой есть старые счета, считай, что этим мы завершим нашу связь господина и слуги.

Лю Синь, стоявший у дверей, при этих словах вздрогнул. Что такое Цзяофан? Это самое жестокое место в Цветочном квартале, темная обитель, где процветает принцип: кто со мной — процветает, кто против — гибнет. Снаружи Цветочный квартал кажется роскошным, но вся его гниль сосредоточена именно в Цзяофане. Если Чжуан Фэй попадет туда, это будет равносильно

смерти.

Он не мог позволить Чжуан Фэю попасть в это логово тигров. Лю Синь хотел вмешаться, но, вспомнив ледяной взгляд Ци Цзина в лесу, проглотил слова. Князь в последние дни бессознательно следил за происходящим, он не допустит, чтобы ситуация зашла так далеко.

У Чжуан Фэя подкосились колени. Чжуан Цинхун оказался поистине безжалостным, а после прихода Ци Цзина — и вовсе холодным. Такой человек... даже если он умрет ради него, оценит ли он это? Будет ли эта смерть иметь смысл?

Лицо Ци Цзина при таком решении Чжуан Цинхуна помрачнело. Он сделал два шага к Чжуан Цинхуну и обнял его за плечи:

— Цинхун всё еще не верит? Хорошо, смотри сам. Оставлю этого Сяоши при тебе, посмотрим, взгляну ли я на него еще хоть раз.

Говоря пренебрежительные слова о Чжуан Фэе, называя его никчемным и невзрачным, Ци Цзин увел Чжуан Цинхуна из комнаты. На ходу он сделал знак рукой. Лю Синь, чувствуя одновременно облегчение и горечь, дождался, пока они уйдут, поднял распростертого на полу Чжуан Фэя и уложил его на кровать.

— Благодарю вас, господин Лю... — Чжуан Фэй отвернулся, слезы застилали глаза, стекая по покрасневшим щекам в постель. Он не хотел, чтобы Лю Синь видел его в таком жалком состоянии. Уголки его губ дрогнули в болезненной улыбке: — Прошу, передайте от Чжуан... от раба благодарность Князю за спасение.

Лю Синю было тяжело, он не знал, как утешить его. Он понимал, что Чжуан Фэй не хочет его видеть — ведь тогда он просто стоял и смотрел, не в силах ничего сделать. Поправив одеяло, Лю Синь сухо сказал ему отдохнуть и, закрыв дверь, направился в главный зал Павильона Дождя и Снега.

О чем думает Князь? Лю Синь не знал. Он полагал, что ради Господина Учэня Князь остепенился, что он действительно полюбил его, но что теперь означала эта история с Чжуан Фэем? В итоге, Князь остался прежним.

Однако он знал: кроме как просить Хун Ли присматривать за Чжуан Фэем втайне, он ничего не может сделать.

Это дело так и замяли. Чжуан Фэй остался прислуживать Чжуан Цинхуну, даже статус Сяоши не изменился.

Проводив Ци Цзина, Чжуан Цинхун невольно усмехнулся. Красиво сказано: порыв страсти, временное наваждение? Он лишь проверял его, потому что хотел завладеть им. Чжуан Цинхун

всегда знал, что его образ неприступного цветка на вершине горы больше всего манит людей желанием покорить его.

А Чжуан Фэй сейчас — лишь мелкая пешка, предупреждение от Ци Цзина, намек на то, что тот может уничтожить их, просто отдав приказ.

Но спасибо тебе за притворство, благодаря которому Чжуан Фэй остался. Чжуан Цинхун посмотрел на свои ладони, где отпечатались кровавые следы — он сжал их так сильно, когда сказал Чжуан Фэю идти в Цзяофан. Он не хотел произносить этих слов, не хотел видеть, как лицо Чжуан Фэя становится серым от безнадёжности, но он был обязан это сделать.

Только так Чжуан Фэй будет в безопасности, только так он больше не столкнется с подобным.

Он так беспомощен. Если бы он был настоящим хозяином, а Чжуан Фэй не был бы слугой в Цветочном квартале, им не пришлось бы так суетиться и скрываться. Если бы он был настоящим господином...

Чжуан Фэй был бы его личным Сяоши.

Взгляд Чжуан Цинхуна стал острее. Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, в них не осталось ничего, кроме холода, словно он перестал замечать всё вокруг. Прежняя решимость казалась лишь миражом.

— Чжуан Фэй, ты должен дожидаться меня. Даже если ты охладел ко мне из-за моей жестокости... в любом случае, я почувствовал твою привязанность.

Чжуан Цинхун не мог точно выразить свои чувства к Чжуан Фэю. В нем действительно стало больше мягкости и сострадания к нему, он стал чаще обращать на него внимание, но это не была любовь.

Любовь — это лишь способ согреться, прижавшись друг к другу в пронизывающий холод. В конечном счете, Чжуан Цинхун сам был человеком, обделенным любовью, и, любил он или нет, тепло, которое дарил Чжуан Фэй, было ему необходимо.

Этого было достаточно.

<http://bllate.org/book/21679/2236327>